

Он сидит на лавочке на первом этаже слева от входной двери, около охранника. Рядом с ним рюкзак – потрёпанный уже, затасканный, но тщательно выстиранный. На рюкзаке – пиджак. Он отглажен и сложен очень аккуратно, чтобы не помялся и не испачкался. Может быть, его купили специально для сегодняшнего дня.

Он сидит молча. Ждёт. Руки на коленях. Смотрит куда-то в сторону. Белая рубашка, тоже идеально постиранная и отглаженная дома, уже помялась и испачкалась по дороге сюда. Кое-где выбилась из-под ремня тёмных джинсов. Он её не поправляет, только всё время приглаживает свои чёрные жёсткие, слегка блестящие, волосы.

Я подхожу к турникетам, которые стоят преградой на входе. Лавочка, на которой сидит парень, сразу за ними, но он словно не замечает меня. – Иди за мной, – говорю я громко.

Он тут же поворачивается ко мне, потом вскакивает со своего места, задевает руками рюкзак и роняет чистый пиджак на пол – в летнюю пыль и июньский пух. Неуверенно смотрит на меня, потом поднимает его, отряхивает и надевает. Затем быстро-быстро приглаживает непослушные чёрные волосы, которые всё равно торчат в разные стороны, и подходит к турникетам.

Я прикладываю свою рабочую карточку, и заграждение легко переворачивается.

Парень, которому на вид лет одиннадцать, потому что он совсем маленького роста, очень худой и щуплый, наконец-то проходит в школу.

В школе в июне почти никого нет. Детей до сентября не заманить ничем, а многие учителя взяли отпуск до августа и разъехались. Иногда приходят старшеклассники, смотрят результаты своих экзаменов, расписываются за оценки в аттестате, который им выдадут в конце месяца. Больше – никого. Через две недели уйду и я, а школа останется стоять, никому не нужная, до самой осени.

Сейчас мне кажется, что, кроме меня и этого молчаливого парня, в школе нет абсолютно никого.

Мы с ним поднимаемся на четвёртый этаж в мой кабинет. Я сегодня должна посмотреть, сможет ли он учиться вместе со всеми в классе. Сейчас всё зависит только от него. Он это знает и поэтому молчалив и сосредоточен, как перед важным экзаменом. Возможно, для него это самый главный экзамен сейчас, даже важнее, чем выпускной. Середина июня, а это значит, что он уже обошёл весь район и в каждой школе ему давали задание, но потом всё равно отправляли дальше. Я это понимаю, а также понимаю, что мне, скорее всего, придётся сделать то же самое.

Я этого не люблю. Каждый раз, когда я вижу, как на лавочке сидит и мнётся от страха и неизвестности очередной парень или девчонка, я начинаю ненавидеть законы, по которым живёт наша школа.

– Мы не можем брать всех, – говорит всегда завуч, молодая ещё женщина, приземистая и полная. Она пришла к нам недавно, но уже дала понять, что хочет сделать нашу школу лучшей.

Это означало – избавляться от плохих учеников и работать с хорошими. Для плохих учеников у нас была особая школа – номер двести тридцать два. Она находится недалеко – от нас идти пешком минут пятнадцать. Ученики в этой школе сложные и очень агрессивные. Все, кто не хочет или не может учиться, отправлялись туда. Толком там не учились. Задача этой школы, которую называли «отстойник», была другой – хоть как-то удерживать неспособных и беспокойных учеников от улицы, пока они не получают аттестат. Дальше их почти всех автоматически записывали в ближайший политехнический колледж, где они по большей части не учились, а отсиживали своё время до восемнадцати лет.

Такова была система. Менять её никто не мог и не хотел. Всем было удобно, что есть место, куда можно скинуть непосильную и ненужную никому работу. Но также мы прекрасно понимали, что в этом месте ни у одного ученика нет возможности жить какой-то другой жизнью. Даже самые старательные, добрые и воспитанные через год превращались в таких, что, когда они, ругаясь, проходили мимо, мне хотелось перейти на другую сторону дороги.

– Это не школа, а какая-то колония, – сказала я однажды, – как мы можем отправлять туда детей?

– Ну а что вы предлагаете? Мы не можем учить всех. Страдают другие, способные дети, – пожимала плечами завуч.

Она тоже по-своему была права.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я у темноволосого парня.

– Алискер, – бубнит он.

– Как? – я не расслышала и потому переспрашиваю.

– А-лис-кер, – повторяет он по слогам, – вы можете называть меня Саша.

– Почему же Саша? – я опять переспрашиваю.

– Ну, всем сложно. Никто не запоминает. Саша легче сказать.

Я прикидываю – Алискер – Александр – Саша. Действительно, имена похожи.

– Ну почему же. Я запомню. Алискер, – улыбаюсь.

Он чуть взглянул на меня из-под упавшей на глаза чёлки, потом быстро откинул её назад и опять пригладил волосы.

Отношение в нашей школе к приезжим было простое.

– Если можно не брать, то лучше не брать, – говорила завуч.

Для некоторых приезжих были особые школы. Была, например, армянская гимназия. Но гимназия эта была платной, да и взять всех туда просто не могли. Было несколько школ для изучения русского языка как иностранного. Но опять же их было всего несколько на всю огромную Россию. Поэтому в основном приезжие шли в обычные школы. Тогда начиналось что-то похожее на отбор. Если претендент всё-таки сдавал входное тестирование, писал хорошо диктант и учился на четвёрки, то его оставляли. Во всех остальных ситуациях его старались направить в другую школу, которая считалась хуже. Другая школа, в свою очередь, старалась отправить его в ещё более худшую... И так далее... Пока всё-таки где-то этот ненужный ученик не осядет. Обычно он оставался в неукомплектованной, самой необустроенной школе района. Чаще всего далеко от его дома. Для нашего района такой школой была двести тридцать вторая. Но ведь и она не резиновая. А недавно пронёсся слух, что эту школу собираются закрывать, поэтому они больше никого в этом году брать не будут.

Вот в такое-то непростое для нас время ко мне и пришёл этот Алискер, или по-русски Саша.

– Я тебе дам диктант, – говорю вслух, – диктант лёгкий. Надо посмотреть, как ты пишешь, чтобы понять, в какой класс тебя направить.

Алискер кивает. Он слышит это не в первый раз. Все так говорят. Надо же что-то сказать. Он уже знает, что ни в какой класс его не направят, а отправят дальше.

– Где ты раньше учился? – спрашиваю.

– В разных школах. Сначала в Марьине. Мы там жили. Потом переехали сюда.

– И сколько у тебя школ было?

– Три. Я с пятого класса тут.

– Сейчас ты в восьмой поступаешь?

Он кивает. Значит, везде он учился по одному году.

В июне в школе жарко. Шторы с окон уже сняты и взяты на стирку, и раскаленное солнце большим жёлтым шаром смотрит прямо на нас. Алискер-Саша щурится и вытирает о джинсы вспотевшие руки.

– Сними пиджак, – говорю я, – у нас тепло.

Он мотает головой. Мама перед работой собирала его и говорила:

– Веди себя хорошо. Не спорь, не перечь, не груби. Побольше молчи. Рубашку не расстёгивай, пиджак не снимай. Ботики надень, а не свои кроссовки. Пиши аккуратно. Волосы ещё пригладь.

– Ладно, – бурчал ей в ответ Алискер.

Вся его сегодняшняя одежда: пиджак, белая рубашка – утром висела на вешалке. Мама накануне её стирала, тщательно гладила, аккуратно развешивала, точно именно от этого зависело – примут его в школу или нет. Он тоже так думал, но после четвёртой школы он пришёл домой, бросил пиджак на пол и сказал:

– Не пойду больше.

– Ты что? – мама подняла пиджак. – Где я тебе другой возьму? Что ты делаешь?

– Всё равно, – ответил он и сел на табуретку в коридоре, – я лучше работать пойду. Отцу помогать или тебе.

– Ещё есть школы, – сказала мать, отнесла пиджак в ванну, положила в таз – стирать, – в другие районы пойдём.

– Я не хочу в другие районы. Я ни в какие не хочу.

– Нельзя здесь так, – мать вернулась и обняла сына, – ты должен выучиться.

Алискер упрямо отвернулся.

– Потерпи, – сказала мама, – мы все терпим. Я, отец твой. Так надо.

Алискер посмотрел на маму. Длинные тяжёлые, когда-то чёрные, волосы были уже почти все седые. Не такой он её помнил. Там, в Шаглакудже, она была красивая – в длинном платье, с заплетёнными в косу волосами и блестящими украшениями.

По выходным они ходили по селу всегда втроём, с отцом, заходили в гости ко всем своим родственникам – их было почти всё село. Затем ехали на старой машине дяди Бугдая в центр – на базар, что всегда раскидывался в субботу и в воскресенье.

На базаре отец долго со всеми разговаривал, пока мать выбирала фрукты, тщательно осматривая каждый, взвешивая на ладони, которой доверяла гораздо больше, чем весам. Алискер смотрел на самые разные формы и цвета – абрикосы, персики, сливы, мандарины. Всё это мама выбирала сама, откладывала в сторону, чтобы потом отец посмотрел и одобрил. Но больше всего маленький Алискер любил, когда доходила очередь до лимонов. Соседний город – Ленкорань – славился своими лимонами. Каких только не было! И большие сладкие, такие, что можно было очистить шкурку и есть словно яблоко, что хозяин этих лимонов охотно делал, показывая, что он ест их и не морщится. И маленькие, с такой тонкой кожицей, что она легко трескалась от слабого нажатия. Маленькие были такие кислоющие, что годились только для приправы, но Алискер любил нарезать тонко такой лимон, посыпать сахаром и класть на язык. Сладкий сахар быстро таял, а во рту оставался кислый вкус молодого едкого лимона.

Потом переходили к арбузам. Арбузы выбирал всегда только отец. И это тоже был целый ритуал. Сначала он долго о чём-то говорил с хозяином, вспоминал общих знакомых и родственников. Потом хозяин приглашал одного отца за прилавок, где всегда были припрятаны самые лучшие арбузы, там отец доставал и поднимал вверх то один, то другой, долго по ним стучал, переворачивал с боку на бок, прикладывал к уху и долго что-то слушал. Алискер стоял, затаив дыхание, и смотрел на сильного отца, который может так легко поднять десятикилограммовый арбуз. Наконец отец, улыбаясь в усы, пожимал в знак дружелюбия и сделки руку хозяину и забирал понравившийся арбуз.

А дальше было самое вкусное – орехи и пряности. Прямо посреди села, где обычно гуляли чьи-то бестолковые куры и то и дело забредали прямо с длинными верёвками на шеях отвязавшиеся каким-то чудом козы, раскидывались шатры, из которых бил такой запах, что жаркое длинное лето вмиг казалось ещё более жарким, как если бы по пустыне, и без того изнурённой зноем, прошёл огненный сирокко, закружив в своём вихре раскалённый песок.

Из каждой наспех и всего на несколько часов сооружённой палатки летели ароматы гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, сумаха, азгилшараба, муската, фенхеля, кумина... Алискер мог бы стоять часами и вдыхать одновременно все эти запахи, раздражая глаза, чихая... Но мама звала его дальше – к орехам. Здесь Алискер обязательно пробовал

всё, начиная от грецких орехов, от которых у него вязало рот и язык, заканчивая фундуком, который был похож по вкусу на кофейные зёрна. Хозяева этих орехов с радостью старались накормить Алискера, чтобы он указал маме, кто ему дал больше. Именно у того мама и купит столько орехов, сколько уместится в пакет.

Напробовавшись, Алискер переходил к шарикам сыра. Это очень твёрдые маленькие кругляшки, которые делали, скатывая сыр, обсыпая сверху солью и вдобавок поливая солёным рассолом. Их невозможно было разгрызть, поэтому мужики катали их во рту, пока не размочат, и только потом жевали. Теперь эти шарики лежали белой горкой после всех орехов и немного поодаль от них, словно чувствуя свою уникальность. Ведь их ели только мужчины! Женщины не любили, а детям не давали. Но Алискер всегда выпрашивал один такой шарик и долго потом катал его во рту, мечтая о том, что вырастет и будет есть их столько, сколько захочет.

Так заканчивался воскресный базарный короткий день в Шаглакудже. Уже к трём часам лавочки закроются, рынок свернётся, машины с арбузами и дынями разъедутся.

Дома мама всё намочит, нарежет, поставит на стол. Но есть Алискеру уже не захочется. Фрукты и орехи, даже нарядный арбуз без весёлого рынка выглядят грустно и одиноко. И Алискер, всё перекатывая во рту солёный шарик, пойдёт до вечера сидеть во дворе.

Сейчас мама совсем не такая. Она усталая, сгорбленная, в халате, волосы просто убраны в большой платок. Алискеру жалко её. Это ради неё он ходит во все эти школы. И пойдёт ещё, раз так надо.

Я сажусь за свой учительский стол. Он на первую парту.

– Листочек у тебя есть? – спрашиваю.

– Нет, – сказал чётко и отрывисто.

Достаю из ящика стола ему листочек и ручку.

– Подписывай здесь. Пиши имя и фамилию, – показываю, где нужно написать.

Пишет: «Мирзоев Алискер».

– Молодец, – подбадриваю, – теперь число.

Пишет аккуратно. Ручку держит крепко, точно боится потерять. Интересно, он хочет сюда попасть или просто надоело писать каждый раз одно и то же?

Алискер не хотел ехать. В Шаглакудже у него было всё – большой дом, своя комната, школа, футбол. Он жил у самого стадиона – маленького, размером с их двор. Играть там можно было одновременно только половиной команды – то есть по шесть человек с каждой стороны. Но Алискеру всё равно нравилось. Он был защитником и почти никогда не пропускал мяч к своим воротам. Несколько раз он даже забивал, и тогда его хлопали по плечам и хвалили. Отец смотрел неодобрительно.

– Футбол для улицы, – говорил он, – а ты мой сын. У тебя дом есть и мать.

Алискер соглашался, но всё равно убежал играть.

Здесь никакого футбола не было.

Первый уехал отец. Первый в их семье, но последний в селе. Уехал только когда опустело почти всё село. Опустело так, что даже воскресный базар перестал приезжать – невыгодно было тратить время. Напрасно Алискер ждал привычного запаха специй, вкуса запретного солёного сыра. Всё это проезжало мимо, в другие, ещё не опустевшие сёла.

– Не уезжай. Продержимся, – говорила мать.

Но отец никого не слушал. Он только показывал жене пустые дома, оставленные его друзьями и родственниками.

– Ты видишь, нет никого. Как тут жить теперь?

– Они вернутся.

Отец махал рукой:

– Откуда? Из России? Э!

– Да и что ты там будешь делать? А мы здесь?

Отец молчал. Все понимали, если он решил – не отступится. Тем более о Москве стали говорить уже давно.

Алискер с самого детства слышал – «Москва, Москва». Кто-то приезжал оттуда, уезжал, привозил деньги. Всем казалось – большие деньги. Огромные для Шаглакуджи. По 10–20 тысяч манат. За эти деньги можно сыграть свадьбу, купить барана, сделать ремонт или отдать детей учиться. Сахраб, отец Алискера, видел это. Таких денег ни в Шаглакудже, ни в Ленкорани рядом, ни даже в Баку ему не заработать.

Сахраб работал учителем в сельскохозяйственном колледже. Он когда-то был лучшим агрономом, заработал научную степень, получил награды и грамоты за отличную работу. Потом занялся преподаванием. Но таких денег, какие привозили из Москвы, Сахраб не видел никогда. Его зарплата была 180 манат, а из Москвы своим семьям присылали по тысяче манат каждый месяц. Очень скоро из села уехали почти все мужчины. За ними – женщины с детьми. Семья Сахраба осталась одна из последних.

Отца провожали всем небольшим селом. Он уезжал с одной сумкой, в которой был в больших количествах чурек на куркуме, который мог храниться долго, всевозможные булочки и пирожки, какие напекла мама, особенно шор-гогалы, какие отец любил больше всего, фрукты, овощи, орехи и головки сыра. Всё это было завернуто и спрятано на дно сумки. Сверху – куртка и тёплые вещи.

– Пока на три месяца, – говорил отец, – устроюсь там, посмотрю.

Он взял с собой свои дипломы, награды, грамоты и даже аттестат, в котором – Алискер тайком заглянул – были один пятёрки. В отличие от Алискера, отец всегда учился на отлично и не гонял мяч. Всё это вместе с паспортами и деньгами было спрятано так же хорошо, как и хлеб. Отец уехал.

Алискер ждал его месяц, два, три. Отец не приезжал. Четыре, пять, шесть. Через восемь месяцев отец вернулся всё с той же сумкой. Она была почти пустая. Сам отец был страшный и похудевший. Но с собой у него было семь тысяч манат. На эти деньги, положенные пачками на кровать, Алискер смотрел в замочную скважину и не верил своим глазам. Половину этих денег потратили на ремонт дома, который уже постепенно оседал и заваливался набок. Остальную половину отец положил на счёт в банк. Тогда что-то вдруг кольнуло у Алискера где-то внутри. Отец не вернулся на самом деле. Он теперь будет там всегда – в далёкой Москве.

Я начинаю диктовать.

– Вечерняя заря догорала. Начиная расстилаться туман. – Жду. Повторяю ещё раз. – Вечерняя. Заря. Догорала. Написал? Начиная. Расстилаться. Туман.

Пишет медленно. Аккуратно. Выводит каждую букву. Почерк хороший. Лучше, чем у многих. Старается. Дописал – смотрит на меня.

– Я решил вернуться домой. Я. Решил. Вернуться. Домой.

– Почему мы не можем вернуться? – спросил Алискер однажды у мамы. – Мне здесь не нравится.

– Ты привыкнешь, – ответила мама и погладила его по голове.

Он резким движением сбросил её руку.

– Не привыкну.

Она смотрела на него – он совсем вырос. Стал похож на отца – такой же упрямый, резкий. Если что-то засядет в голове, какая-то мысль или желание, – ничем не успокоить, пока не добьётся своего. Но она любила сына так же, как любила мужа. Всю жизнь.

– Ты что? – говорили сёстры, отговаривая выходить за Сахраба. – Он же тебя прибьёт. Горячий, под руку попадёшь – не оттащат.

Но родители дали согласие, и она пошла. Тайком, ещё до свадьбы, она смотрела на него и любовалась. Сахраб – значит «сияющий», и он для неё был единственным, блистающим и любимым. До свадьбы – и уже любимым. А он смотрел на неё сверху вниз задумчиво, будто оценивал. На свадьбе даже за руку ни разу тайком не взял. Сидел неприступно, точно это он, а не она уходила навсегда в чужой дом и входила в чужую жизнь. И только после, когда уже жили, когда родился Алискер, сказал:

– Полюбил тебя не сразу. Отец сказал – хорошая девушка, дочь друга, бери её и не думай. Но я всё думал. А сейчас понял – полюбил тебя так же, как сына. Как сын ты мне дорога стала.

Может, поэтому и забрал их с собой, когда Алискер подрос и пошёл в пятый класс. А может, потому что село совсем опустело, работы не стало. Колледж, где преподавал Сахраб, закрылся окончательно, немногие ученики, какие там ещё оставались и какие, несмотря ни на что, собирались стать агрономами и не хотели ехать ни в Ленкорань, ни в Баку, всё-таки уехали. В школе, где учился Алискер, остался только один класс, куда теперь ходили все ученики, независимо от возраста. Ферма, где работало раньше всё село, тоже закрылась. Держались только больница и почта. Но и там, и там зарплату почти не платили. Только иногда, раз в два или три месяца, выплатят 100–200 манат, и опять на два-три месяца неизвестность.

Доживали только свою тихую жизнь бабушка да дедушка Алискера. Даже дяди и тёти разъехались.

– Ну какое здесь будущее? – говорил Сахраб жене. – Сын вырастет. Жениться надо, учиться надо. Где? Всё дорого, за всё платить. Да и дом купить нужно. Отцу старому помочь, матери твоей. Всё денег стоит. Здесь их никогда не зарабатываешь.

Жена знала – Сахраб прав. Даже в Баку зарплата не поднималась выше трёхсот манат. А сейчас всё стало платным. В колледж сыну поступить – надо заплатить да ещё сверху дать. В больницу пойти – тоже платить. На работу устроиться – тоже надо денег. Всё за деньги. Манаты, манаты... Которых вечно не хватает. Вот и ходят все по кругу, а потом всё равно уезжают.

Жена понимала, а Алискер нет. Ему нравилось его село. Нравилась школа, в которой теперь стало так тихо и спокойно. Он не хотел ни жениться, ни работать, ни поступать в колледж. Он не думал, что заболит. Он только хотел, чтобы отец остался и жил с ними. Он не хотел ехать в чужую страну, о которой ничего не знал, и в чужой город, с таким страшным шумным названием. Москва...

Русский язык Алискер знал наравне с азербайджанским, как и все в селе. Даже в школе преподавали русский. Конечно, многие слова забывались, многие коверкались и звучали так смешно и странно, да и азербайджанский был проще и привычнее. Но на русском говорили. В селе даже были целые дома, где жили русские, и из уважения

к ним с ними и в их присутствии говорили по-русски. Только иногда в разговоре проскользнет азербайджанское слово, но тогда уже русская семья подхватывала это слово и говорила по-азербайджански. Поэтому русских Алискер не боялся. Он видел и знал, что они живут по-своему правильно и хорошо. Они ходили вместе со всеми на базар, мужчина в их семье также долго выбирал арбуз, легко подхватывал его на руку. Женщина также пробовала все фрукты, прежде чем дать своему мужу на одобрение. Дети так же перепробовали все орехи, обтирая их от пыли футболками. А парни вместе с Алискером тайком перекачивали во рту сыр. Но что-то всё равно было в них, в этих семьях, такое, что заставляло Алискера всматриваться в них настороженно.

– Почему они живут здесь, с нами? – спросил он как-то у отца, когда они сидели вместе на крыльце.

Отец задумался, потом взял палку и начертил круг.

– Раньше мы все вместе жили, вот в этом круге, – сказал он, – они у нас тут жили. Мы – у них. Наши страны одной были, понимаешь? Потом мы разделились, – он провёл через круг большую черту, – и мы отдельно стали. Они – отдельно. Но всё равно люди-то жили семьями много лет здесь. Они так и остались. Не захотели уезжать.

– А кто-то уехал?

– Многие уехали. И наши многие оттуда вернулись. Но не все.

Отец задумался и продолжал чертить палкой круги.

– Ведь как бывает, – заговорил отец. – Если в селе староста говорит: «живите, мол, не ругайтесь», то все живут мирно. Как у нас. А если говорит: «пусть уезжают», то им приходится уезжать. Так что здесь многое зависит от уважаемых людей. Наш староста умный человек, он понимает, что на ругани хорошего не построишь.

Алискер молчал. Смотрел на круг, разделённый чертой, и молчал. Одна половинка – Шаглакуджа, вторая половинка – Москва. Вот и всё. А что за черта между ними?

Он на меня почти не смотрит. Глаза опустил в пол. Боится или стесняется – как знать. Вдруг ручка перестала писать. Он затряс её. Заволновался. Руки вспотели, пальцы не слушаются. Я даю ему другую. Листок – влажный от его рук. Чернила расплываются. Он зачёркивает. Пишет заново.

– Не волнуйся, – говорю я, – ничего страшного.

Рука сжимает мою ручку. Разозлился. Он и не волнуется. Нельзя так про него думать. Он сильный. Он мужчина. Он ничего не боится. Он тут один – без мамы. Ему всё равно. Он знает, что не будет здесь учиться, что его не возьмут, да он и не хочет. Ему здесь не нравится. Он поедет домой один. Ему никто не нужен.

Алискер с мамой уехали, когда тот окончил начальную школу. В пятый класс он уже должен бы пойти здесь – в Москве. Его взяли. Долго думали, но в сентябре всё-таки взяли. В основном, потому что он был тихий, спокойный, сидел на уроках смиренно, никогда не спорил. А до девятого класса и до экзаменов ещё далеко.

– Переедут ещё десять раз и сами уйдут, – махнула рукой завуч.

Алискер почти не разговаривал. Он стеснялся своего акцента, который был замечен на фоне всего класса. Из Азербайджана больше никого не было. Были из Узбекистана, Армении и Чечни. Армяне держались особняком, ходили всегда вместе, учились хорошо и хорошо говорили и понимали по-русски. Узбеки – их было двое, парень и девчонка, – ходили поодиночке, вообще не с кем не общались, и даже Алискера не

принимали «за своего». Учились они плохо, хотя по-русски говорили почти без акцента. Только парень из Чечни – Хабиб – в первый же день подошёл к Алискеру.

– Ты с какого города? – спросил он.

– С Шаглакуджи, – ответил Алискер.

– Я такого не знаю.

– Это в Азербайджане. Около Ленкорани.

– А!

С того первого дня они стали ходить всегда вместе. Они словно бы понимали, что надо держаться друг друга, что они здесь особенные. Они были даже удивительно похожи – невысокие, с чёрными волосами, тёмными глазами. Оба ходили всегда в белых рубашках. Учителя их даже путали. Вызывали Хабиба – а оценку ставили Алискеру. И наоборот.

Хабиб по-русски говорил с акцентом, но очень хорошо. Он рассказывал, что в их школе русский был часто, и даже некоторые предметы велись на русском, поэтому все у них русский знают.

– Я в Гудермесе родился, – рассказывал он, – потом переехали в Грозный. Очень большой город! Красивый. Я не хотел уезжать. Может быть, мы скоро вернёмся туда. Мама говорит, я школу там буду оканчивать. Здесь экзамены сложные.

Алискер тоже о себе рассказывал. Про село рассказал, про отца и маму. Про футбол. Стали с Хабибом ходить играть. Вдвоём в футбол не поиграешь, но мяч гоняли.

За пятый класс у Алискера вышли одни тройки. Он тогда пришёл домой, бросил портфель и сказал, что больше не пойдёт в школу. У него никогда раньше не было троек.

Мама сидела задумчивая и как будто не слушала сына.

– Мама, – он дотронулся до неё.

Она вздрогнула. Он никогда не видел, чтобы она так вздрагивала.

– Что с тобой? – спросил Алискер.

– Отца уволили, – ответила мама и отвернулась.

Сахраб сначала работал на складе грузчиком. Но всё чаще стали приходиться проверки – и всех, кто работал не по трудовой, стали увольнять. За Сахраба держались до последнего. Он был исполнительный, никогда не спорил, не опаздывал, не пил и не курил. Когда приходила проверка, начальник склада лично прятал Сахраба у себя в подсобке. Сахраб сидел там, пока проверка не уходила. Но долго так было нельзя.

– Я пойду работать, – сказал Алискер, когда отец вернулся домой раньше обычного.

Но работать пошла мама. В Шаглакудже она была профессиональной швеей. Шила на всё село. Она и Алискеру, и Сахрабу, и себе шила одежду, которая потом не снашивалась много лет. Стала в Москве обходить ателье. Но в ателье её не брали.

– У нас обязательно прописка, – говорили они. – Не положено. Проверок много. Оформляйте документы – вид за жительство, разрешение на работу...

Ничего этого пока у мамы не было. И она пошла уборщицей. Рядом с их домом, где они снимали квартиру, выстроился огромный торговый центр. Туда мама Алискера и пошла работать.

В шестой класс Алискер пошёл в новую школу. Она была намного хуже предыдущей. Почти никто там не учился хорошо. Алискер, сам не замечая как, стал получать двойки и прогуливать занятия.

– Я узнал дорогу, – продолжаю я, – и предполагал...

Остановился. Не пишет. Слово сложное, незнакомое. Читаю ещё раз его по слогам.

– Пред-по-ла-гал. Написал?

Едва заметно кивает.

Новую работу Сахраб нашёл быстро. Устроился на маленькую фабрику по производству матрацев. Целый день, с восьми утра до восьми вечера, он стоял на ногах и обшивал по периметру уже готовые матрацы. Матрац за матрацем. Когда заканчивал один, ему давали следующий. Был положен один час на обед и три перерыва по пятнадцать минут для тех, кто курил. Сахраб не курил, но положенные пятнадцать минут тратил на то, чтобы полежать в подсобке на этих же самых матрацах. Он ложился, вытягивал ноги, которые распухали и гудели от того, что он стоял по двенадцать часов в день, закрывал глаза и просто лежал. Через пятнадцать минут он вставал. Встать было очень сложно. Тело, расслабившееся от тепла подсобки и быстрого сна, не могло сразу собраться. Но он вставал и шёл опять стоять и обшивать матрацы до самого вечера.

Иногда, когда он ехал с другого конца Москвы к себе на съёмную квартиру, он не мог поверить, что он – агроном, преподаватель, имеющий столько наград и премий, – должен целый день обшивать матрацы. Но выхода не было – ни о каком преподавании здесь не могло быть и речи. А его награды никто даже и не смотрел. Иногда он сам заглядывал в свой красный аттестат, закрывал его, прятал в документы.

В конце шестого класса в школу вызвали маму.

– Алискер не сможет учиться в обычной школе, – сказали ей, – он говорит по-русски, но понимает далеко не всё. Учителя не могут объяснить ему отдельно то, что остальные схватывают быстро.

– Что же нам делать? – спрашивала мама.

– Вам лучше перейти в специальную школу. Где русский преподают как иностранный язык.

– Мы уже узнавали. Там так дорого и всё занято.

Учителя разводили руками.

– Тогда только частные школы.

– Но это сколько денег надо!

В седьмой класс Алискер опять пошёл в новую школу. Школа была ещё хуже, и учились там те, кого выгнали из обычных школ. Там он начал курить.

Когда об этом узнал отец, он взглянул на сына так, что Алискер задрожал от одного его взгляда.

– Посмотри на мать, – сказал он сыну, – она моет полы, чтобы ты ходил в школу. Если ты не хочешь – мой полы сам.

Алискер молчал. Он хотел сказать, что готов мыть полы хоть целый день, лишь бы уехать отсюда. Но он молчал. Он всегда знал, что если отец сказал, значит, это правильно. Он достал сигареты, которые купил на сэкономленные карманные деньги, и отдал отцу.

– Ты потратил мои деньги, – сказал отец.

Алискер молчал.

– Предполагал, – повторяю я, – что скоро буду дома.

Написал. Отложил ручку. Дом...

Дома сейчас очень жарко. Особенно жарко в Ленкорани, куда Алискер с бабушкой приезжал к дядям отдыхать на лето. Морской воздух там низко висит над городом, окутывая дома и дороги влажным прозрачным туманом. В этом тумане Алискер любил гулять всё утро, пока

солнце ещё не поднялось над крышами и не иссушило их. Потом он забегал в море с разбега, оставляя за собой брызги и соль.

– Что ты всё бегаешь, как глупый баран? – ругалась бабушка. – Занялся бы делом!

Алискер опускал глаза и ждал, когда гроза пройдёт. Она проходила быстро, и бабушка снова баловала его и отпускала бегать.

Алискер много работал дома, когда возвращался с каникул. Он делал то, что мог делать каждый парень – чесал овец, стриг шерсть молодняку, рождённому в январе, возил сено для вечно мычащей коровы, чистил недовольного быка, пока тот смиренно стоял в стойле и отмахивался хвостом от мух и слепней.

А сделав всё это – опять убегал и уже не возвращался до самого вечера.

Это было лето там – далеко отсюда. Здесь же – пыль, которую дождь прибывает к земле, диктант и школы, которые мелькают перед глазами.

Я читаю ему текст заново. Он проверяет – водит пальцем по листочку, что-то тихо шепчет себе под нос. Потом отдаёт листочек и ручку мне. Теперь уже проверяю я. Почти каждое слово я исправляю красным. Красного у него уже больше, чем синего.

– У тебя очень много ошибок, – говорю я ему.

Он молчит.

– Что у тебя по русскому было?

– Три.

– Почему ты переходишь в другую школу?

– Там сказали, что нужно искать новую.

– Но они, наверное, сказали, что нужно искать школу попроще? А у нас тоже сложно учиться.

Молчит. Зазвонил телефон. Он достаёт его из кармана джинсов, нажимает кнопку и говорит по-азербайджански. Я не понимаю, что он говорит.

– Там мама внизу, – говорит уже мне.

– Скажи, пусть поднимается ко мне. Охранник проводит.

Опять говорит в трубку по-азербайджански.

Айдан, мама Алискера, входит робко и тихо. За три года здесь она уже научилась быть незаметной там, куда приходит, молчать, слушать и соглашаться. Она садится рядом с сыном на первую парту.

– Он не сможет здесь учиться, – говорю я, – посмотрите, сколько у него ошибок.

Она берёт его листок так, словно это она виновата во всём. Кивает и вздыхает.

– Нам бы экзамены сдать, – говорит с акцентом по-русски.

– До экзаменов ещё надо дотянуть, – отвечаю я, – и экзамены сложные. Вам лучше пойти в другую школу.

Сколько они уже это слышали!

– Нас отовсюду гонят, – сказала вдруг Айдан. Сказала смело, подняла на меня глаза. – Куда нам идти? Ему же надо учиться!

– Мама, пойдём, – Алискер встал, – пойдём.

– Подожди, сын, садись.

Но он продолжает стоять.

– Я могу вам посоветовать школу. Она рядом тут. Школа простая, как раз для...

Айдан встаёт.

– Для кого? Вы знаете, какой он умный? У его отца ни одной четвёрки не было. Он сам преподавал на родине. И Алискер всю начальную

школу хорошистом был. У него и грамоты есть. Это здесь ему сложно. С языком сложно. А по математике хвалили.

– Пойдём, мама, – опять вмешивается Алискер.

Я пишу им на его же листочке телефон и адрес той школы. Пишу и понимаю, что, если он пойдёт туда, пропадёт окончательно. В этой школе он учиться не будет, не сможет. Там никто не учится. Ещё думаю, что я сама за пять лет работы здесь ещё никого туда не отправляла. Он первый.

– Спасибо, – она берёт листочек своего сына.

Тихонько закрывают за собой дверь.

Я звоню завучу.

– Приходили на собеседование, – говорю в трубку.

– И как?

– Зовут Алискер.

– Ясно, – отвечает она после молчания.

– Что же делать? К нам взять?

– А какие перспективы? Сами понимаете. Нам чужие проблемы не нужны.

Кладу трубку. Представляю, как они вдвоём спускаются по лестнице, проходят мимо охранника, кивают ему, чтобы открыл. Идут дальше. Но куда? А этот молчаливый Алискер? Что с ним будет?

Они и телефона не оставили – позвонить, узнать, как устроились.

Бегу вниз. Уже, наверное, ушли.

Они на первом этаже. Айдан сидит на корточках и поправляет сыну рубашку и пиджак, в котором он так и просидел всё время.

– Саша, – кричу я ему, но он не оборачивается, как будто не слышит. – Алискер! – выговариваю я с трудом.

Оборачивается. Смотрит из-под жёсткой чёлки. Глаза чёрные, блестят.

– Знаете, – подхожу я и говорю его маме, – не ходите больше никуда. Давайте я с ним позанимаюсь русским. У меня до отпуска две недели. И в августе ещё неделя будет. Посмотрим, что можно сделать. До экзаменов далеко. Может, вытянет.

Айдан улыбается. Кажется, готова меня обнять, как родную.

– Спасибо. Мы отблагодарим. Он хороший. Он будет вас слушаться. Будет себя хорошо вести. Он же отличник был. Русский знает. Алискер по-нашему значит «знающий». А мы, – она говорит уже тише, – вам с родины такие лимоны привезём! Сладкие! В Баку такие не найдёте, как у нас. И абрикосы, и орехи.

– Не надо ничего! Что вы! – Я машу рукой. – Пойдём? – говорю я Алискеру.

Он смотрит на маму. Та кивает, и он покорно идёт за мной.

Здесь всё не так плохо, хочу сказать я, ты привыкнешь. Здесь у нас и Айсана, и Абдула, и Сабина – все учатся. Все привыкли.

Но мы молчим. Он идёт за мной обратно в мой кабинет. Писать, читать, учить. Чтобы потом, в сентябре, его взяли в мой класс.

Он чуть обернулся – мама уже ушла. А он идёт дальше. Дальше и дальше. Как когда-то всё дальше и дальше от села уезжал автобус, а Алискер смотрел в окно, и сердце больно билось при мысли о большом незнакомом городе, в котором он будет учиться, работать и, может быть, жить.